

Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014.

336 с.

ISBN 978-5-94244-044-2

Книга кандидата филологических наук, специалиста в области традиционной культуры и народной религиозности И.А. Бессонова «Русская народная эсхатология: история и современность» посвящена исследованию народных представлений о конце света. В ней впервые ставится задача нарисовать полную картину русской народной эсхатологии, которая понимается автором как система представлений, находящая отражение в устных и рукописных текстах.

Изучение народной эсхатологии имеет давнюю традицию, хотя она долго оставалось за пределами исследований фольклористов. Одной из первых фольклористических работ, поднимающих проблему православной эсхатологии, стала книга «Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и их влияние на духовные стихи» В.А. Сахарова, вышедшая в 1879 г.¹ Изучение эсхатологических воззрений старообрядчества и сектантства велось во второй половине XIX – начале XX в. в русле православной и просветительской критики². Народная эсхатология также нашла отражение в этнографических обзорах³. В конце XIX в. наметилось усиление интереса к эсхатологической теме. К этому времени относится фиксация и публикация многочисленных материалов по народной эсхатологии⁴.

В советские годы изучение данной темы затруднялось по идеологическим причинам и велось в общем русле марксистской историографии. Она была затронута в ряде работ А.И. Клибанова, А.И. Демьянова, В.С. Румянцевой и Н.С. Гурьяновой⁵. В 1990-2000-х гг. вновь происходит оживление интереса к теме народной эсхатологии, появляются свежие работы, представляющие различные подходы и содержащие, как правило, описание конкретных локальных традиций или рассмотрение отдельных мотивов старообрядческой эсхатологии⁶. В это же

¹ Сахаров В.А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и их влияние на духовные стихи. Тула, 1879.

² Добротворский И. Люди Божии. Казань, 1896; Алексий (Дородницын), епископ. Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1908; Мельников П.И. Очерки поповщины. СПб., 1909.

³ Драгоманов М.П. Малорусские народные предания и рассказы. СПб., 1876; Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах, религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1911.

⁴ Успенский Д.И. Толки народа (Неурожай. – Холера. – Война) // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 183-189; Кирпичников А.И. Очерки по мифологии XIX века // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 1-42.

⁵ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России периода феодализма. М., 1977; Демьянов А.И. Истинно-православное христианство: критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977; Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986; Гурьянова Н.С. Старообрядческие сочинения XIX в. о Петре I – антихристе // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 136-153.

⁶ Например: Белоусов А.Ф. Последние времена. // Аequinox. Сб. памяти А. Меня. М., 1991. С. 9-33; Фишман О.Н. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003; Соболева Л.С. Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и традиционной культуры Севера. Сыктывкар. 1997. С. 118-

время темой начинают интересоваться зарубежные исследователи⁷. Из современных исследований, посвященных эсхатологической проблематике, следует отметить статьи и монографии антрополога М.В. Ахметовой⁸, а также ранние работы И.А. Бессонова⁹.

Настоящая работа выдержана в традициях культурно-исторической школы. Ее предметом является преломление в русском фольклоре эсхатологического сюжета, сложившегося в древнееврейской и христианской традиции, а также варьирование различных образов и мотивов, связанных с эсхатологией. Непосредственное исследование русской народной эсхатологии охватывает период от древнерусской эпохи до нашего времени. Основной упор делается на том, как эсхатологический сюжет отразился в русской народной культуре XIX-XX вв. Возможность подробного изучения этого вопроса дало обращение к обширным материалам Архива кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, Архива Государственного республиканского центра русского фольклора, Каргопольского архива Лаборатории фольклористики РГГУ и др.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению трех сменяющих друг друга типов эсхатологии: мифологического, авраамического и рационалистического. Если для первого типа характерна цикличность, то в основе авраамических религиозных традиций (иудаизма, христианства и ислама) лежит концепция линейного времени – временного отрезка от сотворения мира до конца света. И.А. Бессонов выделяет «допророческий период» – время, наступившее после грехопадения человека, которое характеризуется его деградацией и отдалением от Бога, господством темных сил. Пришествие ключевого для каждой из авраамических традиций пророка означает начало эсхатологического времени, «царства Бога». В христианстве оно связано с пришествием Христа, чье воскресение открыло «последние времена», окончание которых должно настать непосредственно перед концом мира. Последний, рационалистический, тип эсхатологии приходит в XIX-XX вв., когда религия перестает играть ведущую роль в жизни общества, а эсхатологические идеи вырываются из традиционного религиозного контекста, становясь частью светской культуры. Таким образом, под рационалистической эсхатологией автор понимает «комплекс представлений, ожиданий, опасений возможности гибели человечества во всемирной катастрофе огромного масштаба» (природного или техногенного характера), причем она не предполагает будущего возрождения жизни и не имеет религиозного аспекта (с. 16). Ей уделяется внимание постольку, поскольку она тесно взаимодействует с традиционной эсхатологией и составляет важный элемент современного городского фольклора о конце света.

Вторая и третья глава показывают, где берет истоки русская эсхатология и как шло ее развитие. В главе «Истоки русской эсхатологии» излагается история традиций, которые позже легли в основу русской эсхатологии, начиная с формирования авраамической эсхатологии в писаниях пророков Амоса, Осии и Исаии и завершая византийской апокалиптикой. И.А. Бессонов отмечает, что к

129; *Сморгунова Е.М.* «А где он Антихрист – нам секрет». Эсхатологические представления современных пермских староверов // *Живая старина.* 1998. №4. С. 31-34.

⁷ *Viola L.* The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // *The Journal of Modern History.* Volume 62. № 4. 1990; *Heretz L.* Russia in the Eve of Modernity. Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars. Cambridge, 2008.

⁸ Например: *Ахметова М.В.* Конец света в одной отдельно взятой стране. Религиозные сообщества в постсоветской России и их эсхатологический миф. М., 2010.

⁹ Например: *Бессонов И.А.* Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

началу VI в. до н.э. завершается складывание авраамической эсхатологии в основных чертах. Ее идеи и образы будут встречаться в последующих эсхатологических произведениях (грех и искупление, рассеяние и соби́рание избранного народа, вселенские катастрофы и бедствия, предшествующие наступлению «того дня», пришествие Мессии, Страшный Суд и «земной Рай»). В христианстве эсхатология занимает особое место: Сам Иисус Христос возвещал о скором конце мира и призывал покаяться в грехах, чтобы войти в Царство Божие. Автор проводит анализ эсхатологических высказываний в Евангелиях, где содержится «целый ряд прямых указаний на будущие эсхатологические события, которые стали одним из важных источников церковной эсхатологии» (с. 37), и приходит к выводу, что принципиально новым в новозаветной эсхатологии стало введение связи между концом мира и пришествием «Сына Человеческого». Также он анализирует послания апостолов, где получило развитие учение об антихристе. Подробно разбирается Апокалипсис – самое известное произведение, отразившее эсхатологические идеи первоначальных христиан, которое не только дало иудеохристианскую трактовку традиционной апокалиптике, но и представило ее в максимально развернутой и яркой форме. Что касается византийской апокалиптики, здесь можно говорить о появлении новых мотивов и сложении устойчивого эсхатологического сюжета, не известного ни еврейской, ни раннехристианской и святоотеческой традиции, в котором ключевую роль играет счастливое правление последнего царя, наступающее после бедствий, но предвещающее еще большие беды перед окончательным избавлением. Таким образом, Древняя Русь после крещения в X веке впитала традиции еврейской и раннехристианской эсхатологии, получившие интерпретацию в работах византийских богословов.

Следующая глава «Эсхатологические ожидания в русской истории XI–XVIII вв.» показывает, как перенесенные традиции развивались на русской почве вплоть до XIX в. Обобщая наблюдения, автор использует понятие «культурных кругов», широко применяемое в диффузионистском направлении культурологии, антропологии и этнографии. Первым культурным кругом, в который была втянута Россия, был византийский и южнославянский, однако влияние Византии было исчерпано в XVII в., когда при патриархах Иосифе и Никоне Русь в последний раз обратилась к грекам, но уже как к носителям гуманистической учености. Параллельно шел другой процесс: с конца XV в. Россия начала втягиваться в западноевропейский культурный круг, влияние которого стало преобладающим в XVII в. Это нашло отражение в идее папы-антихриста, слухах о явлении Илии и Еноха, появлении новой рационалистической эсхатологии и др. Важнейшим результатом диффузии европейской культуры, для которой со времен средневековья был характерен повышенный интерес к эсхатологической теме, стало превращение эсхатологии в важнейшую составляющую массового сознания русского народа: именно с XVII в. природные и социальные бедствия начинают осмысляться как признаки приближения конца света. Из этого наблюдения следует и другой интересный вывод: русская народная эсхатология – довольно позднее явление, относящееся к Новому времени. В рамках этой концепции даже многочисленные свидетельства ожидания конца света в конце XV в., связанные с наступлением 7000-летия от сотворения мира (1492 г.), не рассматриваются автором как пример массовых эсхатологических настроений, так как они были распространены преимущественно в среде духовенства и аристократии.

На наш взгляд, это замечание особенно важно в свете того, что эсхатологические ожидания, как правило, ассоциируются со средневековой эпохой. В свою очередь, время появления русской народной эсхатологии обусловило главенство в ней тем, связанных с постоянным внедрением

технических новшеств (от картофеля до компьютера), государственным «учетом и контролем» (от петровских ревизий до ИНН) и т.д.

Наконец, последняя глава основывается на рассмотрении наиболее популярных тем (то есть «общего смысла» группы мотивов) и мотивов (простейших повествовательных единиц) русской народной эсхатологии: эсхатологическая эпоха, испорченный мир, эсхатологические муки, эсхатологическое благоденствие, антихрист, эсхатологическая катастрофа, Страшный Суд и др. Перед рассмотрением каждого из них И.А. Бессонов приводит общую схему традиционной народной эсхатологии, которая состоит из описания эсхатологической эпохи («последних времен»), эсхатологической войны, пришествия антихриста, уничтожения мира и Страшного Суда. По мнению автора, изучение русской эсхатологии – яркий пример успешного применения диффузионистской теории к изучению фольклора. Он успешно показывает, что эсхатология не развивается на русской почве, а заимствуется из книжных источников. Также он приходит к выводу, что в XIX–XX в. большинство новых реалий в общественной жизни связывается с эсхатологической темой.

Подводя итог, нельзя не отметить, что автором была проведена объемная, кропотливая и качественная работа по изучению основных тем и мотивов русской народной эсхатологии, а также дан хороший обзор по ее изначальному формированию и развитию. Особого внимания заслуживает и то, что в заключении Бессонов не только подводит основные итоги исследования, но и указывает актуальные темы для авторов, которые хотели бы обратиться к этой теме. Так, весьма любопытными представляются идеи изучения народной эсхатологии как международного явления (межнациональных взаимодействий, национальных вариантов эсхатологических образов и мотивов и т.д.) и исследования народной эсхатологии современного города, которое требует ее включения в контекст массовой культуры.

Отметим также, что монография имеет удобный научно-справочный аппарат: приведена обширная библиография, в которую вошли многочисленные работы зарубежных исследователей, дается расшифровка сокращений. Книга несомненно может быть рекомендована к прочтению филологам, историкам, религиоведам и всем, кто интересуется русской народной культурой.

Однако можно упомянуть и некоторые недостатки, связанные, на наш взгляд, с теми обязательствами, которые берет на себя исследователь, называя свою работу «первым в отечественной науке комплексным исследованием русской народной эсхатологической традиции» (с. 4). Во-первых, по прочтении монографии возникает вопрос: в чем заключалась комплексность исследования, если автор работает лишь с темами и мотивами эсхатологических рассказов, не выходя за рамки и даже не решая во всей полноте филологических задач (например, не уделяя внимания жанровой форме эсхатологических рассказов)? Русскую народную эсхатологию во всей полноте невозможно изучать без привлечения других дисциплин. К примеру, оставшуюся в стороне бытовую сторону народной эсхатологии, эсхатологические практики можно исследовать при помощи антропологических методов. Во-вторых, такое заявление требует более широкого охвата источников. Как отмечает сам автор, работа была построена преимущественно на материале западных и северо-западных регионов России, в то время как народная эсхатология юга и некоторых центральных районов осталась *terra incognita*. Между тем, многие эсхатологические мотивы имеют региональный характер и без рассмотрения материала недостающих регионов любая попытка написать обобщающий труд по обозначенной теме обречена на провал. Впрочем, отсутствие южнорусских эсхатологических

мотивов в рассматриваемой монографии частично оправдывается недостатком необходимых для проведения исследования статей и публикаций.

Е.В.Карпукова, студентка Кафедры истории Церкви